

КАК ПОСТРОЕН «МИЛЛИОН» МАРКО ПОЛО (ПОИСКИ ЗАПАДА НА ВОСТОКЕ)

НИКОЛАЙ КОТРЕЛЕВ

*Филолог, переводчик, специалист по истории русской культуры
конца XIX – начала XX вв., член редакционного совета сайта «Русская Idea»*

В канун XIV в. в генуэзской тюрьме пизанец Рустичано (или Рустикелло), имевший опыт в сочинении рыцарских романов, со слов пленного венецианца Марко Поло составил книгу о чудесах мира. Марко рассказывал, как он путешествовал и жил, с отцом и дядей, в краях, о которых не многие в Западной Европе слышали, и считанные люди хоть что-то правдоподобное знали. Марко через Армению, Иран, Среднюю Азию, Монголию добрался до Китая, долгие годы и в немалых должностях служил Хубилаю, монгольско-китайскому императору; возвращаясь в Европу, побывал в Индонезии, Индии.

Рассказы Марко широко распространились в рукописях, позже многократно перепечатывались. Их много читали, они представлялись большинству читателей баснословием. Но Кристофор Колумб читал их вдумчиво и на полях своего экземпляра оставил десятки помет. По сию пору «Миллион» — часто переиздается, его экзотика привлекает читателей, по нему снимают фильмы, снят сериал. Огромная и часто серьезная ученая литература посвящена спорам, что в книге Марко Поло выдумка, что — правда; споры эти по многим пунктам к однозначным решениям не придут, скорее всего, никогда.

Возможен, однако, другой угол зрения: какво содержание «Книги чудес» как цельного литературного произведения, независимо от того, что представляет она собою в деталях и частностях — собрание точных сведений в сочетании с большим количеством ошибок, рассказ о реаль-

но проделанных Марко походах в сочетании с информацией, полученной из расспросов других людей бывалых. Небесполезно даже отказаться от попытки строгого определения жанра «Книги» — то ли это рыцарский роман (что высшей степени сомнительно, но многие поколения читали ее именно в этом ключе)¹, то ли «каталог стран и городов», воспроизводящий повествовательные приемы арабо-персидской космографии и китайской землеописательной литературы². Мне представляется, что ценнейшую информацию о «картине мира» Марко Поло можно извлечь из анализа поэтики его повествования.

¹ Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая литература Италии. М., 1972. С. 243–244.

² Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: Записки путешественника или имперская космография / А. Г. Юрченко; Пер. с лат. и перс. яз. С. В. Аксенова. СПб., 2007. С. 29. А. Г. Юрченко задается разумными вопросами, не ставившими в огромной литературе по «Книге» Марко Поло (кто финансировал путешествия Поло? в чем заключались службы Поло императору? и т. д.). По всей вероятности, прежние исследователи избегали эти проблемы в силу отсутствия малейшей надежды документально подтвердить ответы. Из предлагаемых А. Г. Юрченко самый приемлемый и в перспективе продуктивный в плане сравнительно-исторических исследований — утверждение о жанровых параллелях к «Миллиону», которое вызвало это примечание. Круг наблюдений в этом направлении должен быть расширен за счет сближения с другими жанровыми образованиями — с формулой отчетов, которые венецианцы должны были представлять своей Республике по возвращении из дипломатических и торговых путешествий (не исключено, в частности, что «Миллион», хотя бы поначалу должен был стать таким отчетом), некоторых разновидностей паломнических путево-дителей. Предположение А. Г. Юрченко о существовании колоссальной «картотеки» описаний городов китайской империи по меньшей мере не обязательно, поскольку известно достаточно много образцов, на которые мог ориентироваться Поло — в дошедших до нас памятниках арабо-персидской, китайской и европейской литератур.

* * *

Известный советский историк географии И. П. Магидович утверждает: «Описанием путешествия (в прямом смысле этого выражения) является лишь короткий “Пролог” — первые девятнадцать глав “Книги”, да немногие из остальных ее глав. В основном “Книга” — все три ее части — заполнена описаниями различных азиатских стран, областей, районов, городов, нравов и быта их жителей и двора великого хана монголов и китайского императора Хубилая»³. В этом выводе много правды: пролог, действительно, есть образ всего путешествия, а книга наполнена рассказами о чужестранных диковинах, делах и обычаях. И в то же время заключение в основе своей («Описанием путешествия... является лишь... “Пролог”») — ошибка вполне понятная, так как сделана историком географии, для которого ценность землепроходческого отчета — в сумме и качестве новых для своего времени сведений, фактов. Путешествие, хождение, движение — костяк «Книги», без которого могла бы быть она чем угодно, кроме как сама собой!

Прежде всего, наугад открывая рассказы Поло, всякий сразу должен заметить, что образ движения, пути отмечает концы глав. Вот примеры, взятые наудачу: «Рассказал об этом царстве, оставим его и поговорим о другом, к югу, в десяти днях пути отсюда...» (гл. XLVII). «Пойдем отсюда на северо-восток и север, за три дня...» (гл. LXXIV). «Оставим Аму и пойдем в другую область — Толочан, на восток за восемь дней пути...» (гл. CXXVIII). «Больше об этой стране нечего рассказывать в нашей книге, а потому оставим это, пойдем вперед и опишем вам Яву, большой остров...» (гл. CLXII). «Больше нечего рассказывать, пойдем и опишем остров Зангибор» (гл. CXCI)⁴. Большинство глав «Книги» завершается подобной фразой. Иногда, впрочем, она делится между концом одной и началом следующей: «...А через семь дней город Пиан-фу. Город большой, богатый, много там купцов; народ торговый и промышленный. Многие множества выделяется тут шелку. Оставим это и расскажем о большом городе Качиан-фу, а сперва поговорим о знатной крепости

³ Книга Марко Поло / Пер. со старофр. И. П. Минаева; ред. и вступит. ст. И. П. Магидовича. М., 1955. С. 19.

⁴ Все цитаты (с указанием главы прямо в тексте), кроме специально оговоренных случаев, даны по изданию: Книга Марко Поло / Пер. со старофр. И. П. Минаева; ред. и вступит. ст. И. П. Магидовича. М., 1955. Курсив в выдержках — наш.

Каикуи-фу» (гл. CVII). Разделы пути оказываются членением книги, введение нового объекта предупреждается переездом, переходом. Случается, что и внутри главы упоминаются два или три перехода: тогда это значит, что в главе описано несколько городов или местностей (например, так в той же гл. CVII).

Описание путешествия с его чередованием пе-регонов и остановок — основной прием компози-ции материала. Конечно, есть немало межглавных разделов, не связанных с упоминанием перемеще-ний в пространстве, есть даже длинные секвенции глав (в частности, описание Китая, монголов), пове-ствование которых привязано к одной и той же точ-ке земной поверхности. Но эти главы или отрывки поданы отступлениями от основной сюжетной ли-нии, в продвижении вперед это соответствует оста-новке с радиальными выходами на съемку. Отсюда такие оговорки в тексте: «Рассказал вам, описал ясно татарские обычаи и права... А теперь вернем-ся к нашему рассказу, в большую равнину, туда, где были, когда стали говорить о татарских делах» (гл. LXX). «...Рассказал вам все ясно об этой северной стране, что к морю-Океану, а теперь поговорим о других областях и вернемся к великому хану. Вер-немся к той области, которую уже описывали в на-шей книге, и называется она Канпитуи» (гл. LXXI).

Безразлично, говорит ли Поло о реально про-деланном им пути или конструирует рассказ из расспросных сведений. Сообщение о перемеще-нии в пространстве оказывается основой синтак-сиса его повествования. Даже если Марко Поло никогда и никуда не ходил и не плавал, выбранная нарративная техника делает его произведение «пу-тевыми записками». В «Книге» стертому метафо-рическому обороту («нить рассказа», «движение мысли», «за мной, читатель!») возвращается ис-ходное, неметафорическое содержание: движение обретает обе конститутивные характеристики — пространственную (румб, направление «от ... к») и временную (указание продолжительности пере-хода) определенность. Например: «...Оставим этот город и пойдем вперед» (гл. XXXIX); «...Из Коби-ана восемь дней едешь пустынею... Через восемь дней приезжаешь в область Тонокаин» (гл. XL).

«Книга» — самим ли путешественником, его ли «литературным консультантом» — задумана «кни-гой», уже композицией своей воспроизводящей пространственно-временную последовательность пережитого. Это видно из того, как старательно из-бегает рассказчик отступлений, напрашивающихся по иным связям, кроме пространственно-времен-ной, создающей принудительный порядок пове-ствования: «Оставим этот город. Об Индии теперь не стану говорить; расскажу вам о ней потом, в дру-гой книге, когда придет время и место. Вернемся

к ней с севера и расскажем...» (гл. XXXVII). «Оста-вим эту область и эти страны, но вперед не пойдем; если итти вперед, так взойдем в Индию, а этого те-перь не хочу; на возвратном пути по порядку рас-скажу все об Индии; а теперь вернемся к Балдаши-ану, а то некуда итти...» (гл. XLIX). «Рассказал вам, описал ясно татарские обычаи и нрава, а о великих делах великого хана, великого государя всех татар, и об его великом императорском дворе ничего не говорил. Об этом будет говорено в этой книге в свое время и в своем месте. Много диковинного позаписать. А теперь вернемся...» (гл. LXX).

Итак, путь — основной стержень повествования. Не случайно там, где начинается морское стран-ствование, словно бы заставкой описаны корабли южных морей: «Рассказали мы вам о многих об-ластях, оставим теперь все это и начнем об Индии и обо всех тамошних чудесах. Начнем сперва о су-дах, в которых купцы плавают из Индии и обратно туда» (гл. CLVIII). Подобных обнажений образного строя, секрета повести мы больше в ней не встре-чаем, кажется, но он открыт был современникам. Так, среди изумительных иллюстраций к «Милли-ону» (в рукописи XV в. № 2810 из Национальной библиотеки в Париже) трудно найти такую, чтобы не сохранила — языком другого искусства — цен-трального образа текста. На каждой миниатюре этого манускрипта — река, проезжая дорога, го-родские ворота с въезжающими и выезжающими всадниками, встреча путников и т.д.

Недостаточно одного указания на зависимость составляющих «Книги» (глав) от их положения в тексте (т.е. от принципа его членения). Необходи-мо строгое определение этой зависимости. Сфор-мулировать ее очень просто: в каждой точке функ-ция определена однозначно, каждому моменту повествования об объектах (каждой точке земного пространства) соответствует одна, и только одна, точка земного пространства (один, и только один, момент рассказа о «разнообразии мира»). Это вы-является, когда путник возвращается на свои следы: «И о Кише, и о Крермане мы говорили уже прежде, но так как шли [тогда] мы другими путями, то сле-довало бы еще раз вернуться сюда. [Но] обо всех здешних делах было уже [достаточно и тогда] го-ворено, а потому пойдем отсюда и расскажем вам о Великой Турции» (гл. CXCVII)⁵. «Рассказали вам о левантских татарах; оставим их теперь и вернем-ся к Великой Турции; но о Великой Турции мы рас-сказали уже прежде, как там царит Кайду, поэтому

⁵ В квадратных скобках тут и далее — наши вставки, выясняющие суть мысли. Вот подлинник: «Autre chose ne vous conterei, pour ce que arrieres le vous avons conté ordenément, et de cest cité meismes de Curmos et de Querman aussi. Mais pour ce que nous alames par autres vois, si nous convient encore de retourner ci; mais desoresmais nous en departiroris, et nous vous conterons de la grant Turquie» (Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise... / Publié... par M. G. Pautbier. T. II. Paris, 1865. P. 715).

нечего о ней больше рассказывать. Пойдем отсюда и расскажем вам о странах и людях к северу» (гл. CCXV). Всякое перемещение в пространстве требует нового рассказа. Но содержание рассказа (то, о чем можно и следует сообщить слушателю и читателю) всякий раз необходимо-полное, так как характеризует местность в ее существеннейших чертах; оно неповторимо и, раз исчерпанное, не может быть снова введено в книгу, если автор не решается на абсолютную тавтологию. Относительность действительного времени путешествия и условного времени повествования вступает в противоречие с абсолютностью человеческого опыта и объектного содержания рассказа. Снять это противоречие легко — перейдя к безличному описанию Земли (реальный исторический выбор географической науки) как самоценного объекта. Однако этот выход противен устремлениям средневековой культуры.

Пространство, в котором Поло перемещается и о котором беседует с Рустичано и читателем, — это антропосфера. Оно неоднородно, что необходимо предопределяет структуру отчета на всех его уровнях. С перемещением от объекта к объекту каждый раз иной представляется самое возмозможность умопостижения объекта: «На запад от Комари в трехстах милях царство Ели, тут есть царь. Живут тут идолопоклонники и дани никому не платят. У них свой язык. Об их обычаях и о том, что здесь водится, расскажем вам понятно, и вы все это хорошо поймете, потому что подходим мы к странам более знакомым» (гл. CLXXXII). Идолопоклонников на деле никто не знал в Европе Поло и Рустичано, да и ничего понятного о них они не передают, говорят только то, что говорили о десятках народов и стран прежде. Но ощущение близости знакомого пространства, в котором нет ничего удивительного, зафиксировано: оказывается, чем отдаленнее

объект, тем он поразительнее; с продвижением от дома все необычайнее становится мир.

Путь непременно должен быть пройден человеком, а все встречное — человеком же увидено и описано (ср. приведенные выдержки из гл. XXXVII и XLIX). В каждой точке пространства задается направление и расстояние до цели, т.е. пространство задается двумя точками⁶. Ориентировка — от местоположения рассказчика (пример наудачу: «Персия страна большая; в ней знайте восемь областей; они зовутся вот как: в самом начале Персии первая область называется Казум, вторая к югу — Кардистан, третья — Лор, четвертая — Сиельтан, пятая — Истанит, шестая — Сераци, седьмая — Сукара, восьмая — Тунакан, она на краю Персии. Все эти области на юге, одна — Тунакан, что подле древа сухого, на востоке» — гл. XXXIII). Это значит, что точка зрения на окружающий мир (физический) переносится неотрывно с путешественником, и по его отчету повторить хождение человек может, лишь ступая след в след. Так его и воспроизводит Поло-рассказчик, Рустичано в своей обработке, читатель. Речь раздается всякий раз с места событий, поскольку ведет ее сам переживший, читатель же превращается в очевидца, свидетеля.

Итак, мы видим, что путешествие, дорога — сквозной образ «Книги», организующий ее текст, определяя последовательность ввода новых тем и их членение. Рассказу положено хорошо сформулированное правило развития, запрещающее произвольную перестановку элементов. Эта ясно определенная логика повествования делает записки Поло сюжетным произведением с завязкой и развязкой. Движение сюжета — следствие перемещений в пространстве и времени рассказчика. Он оказывается главным героем. В центре записок — человек.

Рассказчик «Книги» держит в голове целостное представление о земной поверхности, но последовательность ее демонстрации читателю подчиняется логике путешествия, с тем чтобы в каждый момент повествования за достоверность описываемого ручался личный опыт. Мы уже видели, как он этого добивается: «Оставим эту область, но вперед не пойдем, если итти вперед, так взойдем в Индию, а этого теперь не хочу; на возвратном пути по порядку расскажу об Индии» (гл. XLIX). Нейтральный образ пространства, уже автономный, суммированный (современная карта), литературно проработан автором. Но это не значит,

⁶ На практике, конечно, указание румба соотносено с «абсолютными» точками земной поверхности, со «сторонами света» (так мы ориентируемся и до сих пор). Но в литературном изложении эта определенность положения по трем точкам теряется. Видимо, потому так сложно по средневековым и древним итинерариям строить современные карты, что они рассчитаны на употребление применительно к местности, на реальное путешествие. Это — путеводители, вадемекумы (переведем название жанра: «иди со мною»).

что действительность изначально неинтересна ему или его читателю, напротив: объект существует независимо от воспринимающего сознания — этой философской предпосылки автор нигде не формулирует, но структура «Книги» открывает нам, сколь глубоко коренится она в мировоззрении рассказчика. Как зрелый составитель энциклопедий (вспомним, что на исходе была и эпоха подлинно всеохватных культурных сводов: Винцента из Бове, Альберта Великого и Фомы Аквинского, Данте), он держит в уме словно бы «памятку автору». Далее мы постараемся разобраться в «стандартном плане заметки», в критериях отбора материала и т.д.; сейчас достаточно признания, что они есть⁷.

Дорога ставит путешествующих всё перед новыми чудесами земли; каждое встречное царство, область и город — самостоятельный и самоценный мир, интересный видящему и слушающему не столько связями своими с остальной Вселенной (это только детали, наполнение рассказа), сколько по отдельности и частности своего существования. Удивительно, что за тридевять земель есть некий город, и раз он есть, у него есть свойства — подчинение тому или иному хану или царю, засилье там агарян или язычников, бойкая торговля и т.п. Не всегда рассказчик умеет передать своеобычие страны или поселения и, может быть, не всегда умел его видеть. Особенно наглядно обнаруживается это в тех кусках «Книги», где речь идет о дороге, пролегшей по областям, однородным с антропогеографической точки зрения. Так, на просторах Китая впечатления становятся однообразными, и рассказ местами скучнеет: «Как выедешь из города Сингуи, восемь дней едешь по стране, где много величественных городов и замков больших, богатых, торговых, промышленных. Живут здесь подданные великого хана, идолопоклонники, мертвых сжигают. Деньги у них бумажные» (гл. CXXXVI). «Из города Лингун едешь три дня на юг, и много тут городов и замков. Живут тут также подданные великого хана; они из Катая и идолопоклонники; мертвых они сжигают; деньги у них бумажные» (гл. CXXXVII). Опущенные части этих двух глав также лишь вариации текста первой во второй. Казалось бы, куда как легко убрать эти назойливые повторения, очертив разом общие приметы целого региона, — но нет, Марко, кажется, что и сознательно, часто избегает такого приема: «Больше не о чем говорить. Пойдем отсюда и расскажем вам о двух областях на запад, в самом Китае, а так как рассказывать о них, об их обычаях и нравах много, то опишем сперва область Нангхин» (гл. CXLIV) (далее ряд глав, в развертке дороги предлагающих слушателям атомарное описание отдельных объектов).

⁷ Свидетельствует это, в простейшем случае, краткая и очень частая формула: «Описывать тут больше нечего, а потому оставим этот город и расскажем о другом» (гл. CXXXVII).

Конечно, есть у Марко и куски синтетические, предваряющие общими сведениями дальнейший рассказ о частностях, и это куски важнейшие в общей экономии «Книги» (о татарах, Китае и др.); более того, во многом его мировоззрение неукоснительно проводит иерархический принцип подчинения общему частному, как мы увидим. Но если взглянуть на записки Поло под сейчас предложенным углом зрения, то несомненно, что на этом уровне побеждает иное начало: мир представляется совокупностью объектов, из которых каждый наделен достаточной полнотой существования. Поэтому каждый должен быть описан отдельно, как автономно-ценный в своем существовании; и пусть автор обходится всякий раз самым несложным трафаретом, — формула, как сейчас станет ясно, характеризует город или местность по самым существенным для страноведения — в глазах Марко и Рустичано — признакам. Этот глубинный механизм зрения, воспитанный в авторах «Книги» современной им культурой, сказывается опять-таки в первичном приеме сюжетостроения: если образ дороги, путешествия запрещает повторить описания объектов, когда сходится петлею путь «туда» с путем «обратно», тот же принцип заставляет перечислять однородные объекты, всякий раз повторяясь в их изображении. Такое движение повести может утомить нынешнего читателя, но казалось естественным авторам и публике средневековья. Именно этот принцип положен в основу средневекового летописания. Нам кажутся часто несопоставимыми по исторической важности иные события, заносимые в хронику под одним годом; но уже одно то, что нечто случилось, было, делает необходимым свидетельство об этом факте: летопись должна сохранить по возможности неповрежденными действительность движения времен, полноту и насыщенность их.

Другое дело — осмысление исторических перемен, сознание направленности исторического процесса, — тут применяются иные методы и схемы; а летописная регистрация событий утверждает неслучайность всего происходящего в мире, так как только неслучайное достойно памяти, чтобы пребыть в своей конкретности сохраненным для будущего. Так же и в географических сочинениях и реляциях путешественников известное неразличение общего и частного призвано сохранить в передаче конкретность земного облика, всё знаменательное существо его деталей.

Напротив, рассказывая о каждом отдельном объекте, писатель «Книги» опирается на несложную, но отстоявшуюся в культуре и потому чрезвычайно емкую и экономичную схему. Она воспроизводит конститутивные черты целой системы миропонимания и, примененная к страноведче-

скому описанию, тем самым связывает виденное и слышанное с общим представлением о мире. Именно этим и интересна она при нашем специальном подходе к «Миллиону».

Всякой прочей характеристике страны или города у Марко и Рустичано непременно предшествует привязка их к пространству. Основной тут способ — указание направления к объекту и расстояния до него от местоположения рассказчика. Добавлю только, что иногда прибавляется общая характеристика некоторого района: очерчиваются границы Великой Армении (гл. XXII); сообщается областное деление Персии (гл. XXXIII) или государственно-исповедное членение Абиссинии (гл. CXСIII). Гораздо важнее для нас теперь принципы антропо-, а не физико-географического описания. Трех родов сведения составляют в «Книге» необходимо-полный «паспорт» всякого города и всякой земли: во-первых, указание носителя верховной власти; во-вторых, характеристика народа: то самая общая, то в подробностях его национального состава, верований, обычаев и т.д.; в-третьих, особые достопримечательности, удивительное мира по преимуществу: это могут быть и диковины растительного и животного мира, но чаще всего — специальные сведения в развитие второго пункта описания (сообщения о ремеслах, торговле и т.п.).

О государе автор обычно сообщает в первую голову, поскольку в господине своем народ, насельник местности, по которой пролег путь, находит свою определенность среди прочих народов земли; только люди, живущие за гранью земель, предназначенных в обитание роду человеческому, лишены — по расспросам — царской власти, что и ставит их чуть ли не на одну доску с животными: «На север от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, так же как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они как звери, никому не подвластны» (гл. CCXVII)⁸.

8 Редакция русского издания, которым мы пользуемся, так комментирует разночтение Рамузио, уточняющего, что темно в стране тьмы бывает только «в течение большей части зимних месяцев»: «Версия Рамузио — несомненно, поправка высокообразованного издателя середины XVI в., дающего географически правильное толкование древней легенды о Северной стране постыжной тьмы. Юл по этому поводу иронично говорит (II, 485): "Кто может сказать, чем именно объясняется ошибка [в тексте]: невежеством ли Рустичано или самого Поло. Нам бы хотелось поставить ее в дебет Рустичано, а Марко в кредит — исправленную версию Рамузио"» (Книга Марко Поло М., 1955. С. 341). Но без пояснений остается дополнительная фраза Рамузио к цитированному абзацу: «Их ум неразвит, и они похожи на идиотов» (там же). Ср. у Рамузио: «Gli uomini di queste regionj sono belli e grandi, ma molto pallidi. Non hanno Re, ne Principe alla cui iurisdizione siano sottoposti. Ma vivono senza costumi e a modo di bestie. Sono d'ingegno grosso e come stupidi» (Polo Marco. Delle cose de Tartari e dell'Indie Orientali... nella versione di Gio. Battista Ramusio. Venezia, 1953. P. 291; перевод: «Люди в тех областях красивы и крепки, только очень бледны. Нет у них ни Царя, ни Князя, под чьим бы судом им быть. И живут они бесстыдно и по-звериному. Умом они грубы и как бы глупы»). Очевидно, и с накоплением физико-географических познаний представление европейских землеописаний о нормах человеческого общежития не изменилось.

Если в принадлежности своему царю земля и народ обретают структурную завершенность и определенность, обеспечивающую им самостоятельность как объектам, чье описание должно заинтересовать слушателей, то отношения суверенитета-вассалитета для Марко и Рустичано — лучший инструмент, открывающий связь мира. Любопытно наблюдать в этой связи, как физическое расстояние и преграды скрадывают мощь великого хана: «Об этих местах и островах рассказывать не станем; дороги туда нелегки, да и не были мы там. У великого хана, скажу вам еще, дел тут никаких нет, податей он здесь не собирает, а потому вернемся в Зайтон. И оттуда начнем нашу книгу» (гл. CLXI). «Через тысячу пятьсот миль на юг и юго-восток от Чианбы остров Ява. Так рассказывают сведущие мореходы, а они это знают... владеет им большой царь; живут здесь идолопоклонники и никому в свете дани не платят. Великий хан острова не мог захватить оттого, что путь сюда далек, да и плавание опасно...» (гл. CLXIII). «На юге и юго-востоке от Явы, через семьсот миль, — два острова, Сондур и Кондур... на юго-восток от них, в пятистах милях, большая и богатая область Лошак; владеет ею великий царь... Дани они никому не платят; живут в таком месте, куда никто не может зайти и зла им поделать. Великий хан давно подчинил бы их себе, если бы легко сюда было пройти...» (гл. CLXIV) и т.д.

Так множество элементов, наполняющих карту, не теряя своей определенности, проникается единым принципом, обеспечивающим целостность мира. С этим связано общее деление «Миллиона» на три книги согласно с размежеванием земли на громадные области: путь в Китай (в основном мусульманское пространство), собственно Китай (под властью монголов) и путь обратно («открытое» пространство, где тянутся друг к другу сферы монгольско-китайского и сарацинского господства, не досягая часто друг друга, так что остаются некоторые царства, «никому в свете дани не платящие»). При этом абсолютной точкой отсчета оказывается хорошо знаемая (и потому вынесенная за скобки — см. последнюю главу «Книги») христианская Европа.

Самый убедительный пример тому, что важнейший страноведческий критерий «Книги» выделен нами правильно, доставляет анализ ее второй, китайско-монгольской части. Развернутому в пространстве описанию Китая предпослан подробнейший рассказ о Хубилае, «ныне царствующем великом хане». В показательной последовательности сообщает «Книга» его родословие, историю воцарения, потом — «каков великий хан с виду и какого он росту» (личная характеристика после родовой), распорядок его брачной жизни, рассказ о детях.

Потом речь заходит о ханском дворце, монгольском придворном церемониале, ханских охотах и псарнях, организации личной «гвардии» и войска, монетной и дорожной системах и почтовой службе, монаршей благотворительности и многом прочем. Поток сведений, столь ценимых современными учеными, о монголах и Китае в «Книге» оказывается развитием темы государя, великого хана. Хан и его двор воплощают целое народа, то, что нужно знать о населении единой страны, тогда как описания отдельных ее городов и областей — только расщепление самостоятельного целого на множество подчиненных элементов.

Опрометчиво можно усмотреть своеобразный принцип «политической карты мира» в одних только Марковых непереносимых — при вхождении в каждую новую область — указаниях верховного владыки. Вторая из необходимых характеристик страны тоже оказывается политической: основная характеристика народа — вероисповедная. Сколь неукоснительно сообщается о религии обитателей всякой страны, о которой заводит речь рассказчик, можно судить по уже приведенным выдержкам: после слова о государе сказано о вере его подданных, и так — проверить это легко, прочтя «Книгу» сквозь или на выдержку несколько глав, — о каждом народе. То же самое очевидно и при рассмотрении больших членений «Миллиона»: как я уже оговорился, вступлением к рассказу о монгольских землях, и главным образом об империи Хубилая, предпослана родовая характеристика монголов, и тут, после повести о том, «как Чингис стал первым ханом татар» (гл. LXV), после истории Чингисхана и его дома (гл. LXVI–LXIX), идет глава LXX, в которой «описываются татарский бог и татарская вера»; во второй книге после живейшего в подробностях повествования о Хубилае и его дворе (гл. LXXVI — CIV [Б]) следует глава CIV [Б] «О религии татар и их мнениях относительно души и их нравах». Только рассказывая о землях и странах Индийского океана, когда Марко смущен пестротой тамошнего народонаселения, он не умеет выделить общей вероисповедной характеристики региона, поэтому он прибегает обычно к микрохарактеристикам, говоря всякий раз об отдельной области и отдельном народе.

Внешним образом религиозно-этнографическая (и религиозно-политическая, религиозно-экономическая, религиозно-историческая и т.п.) картина мира у Марко–Рустичано несложна. Вероисповедная классификация человечества в «Миллионе» — трехчленная. «Область Гингинталас на краю пустыни, на севере и северо-востоке, принадлежит великому хану и тянется на шестнадцать дней. Городов и замков тут много; живут здесь три народа: идолопоклонники, му-

сульмане и христиане-несториане» (гл. LX). Здесь первые два народа охарактеризованы по принадлежности к двум из трех основных исповеданий, третье же названо через частное свое ответвление. В христианстве как своем, западноевропейском (ср. упоминание о катарах—гл. CLXXIV), так и восточном «Миллион» твердо знает различия и толки. Мусульмане, которые известны христианину первейшими противниками христианства, таковыми и изображены: антиподами и врагами; поскольку взяты они именно по внешнему отношению к христианству, как враги в священной войне, их собственное деление на секты Марко оставляет без внимания. К столь же обобщенному образу тяготеет он и в рассказах об идолопоклонниках: «Так вот, как я описал, сжигают покойников все идолопоклонники в свете» (гл. LVIII).

Особо характеризует народ его язык, и Марко в своем отчете непременно полагает язык (и государственную оформленность в лице государя) достаточным и необходимым критерием самостоятельности народа или страны: «Мелибар большое царство на западе. Здесь и свой царь, и свой язык. Живут тут идолопоклонники, дани никому не платят...» (гл. CLXXXIII); «Тана большое царство на западе... Здешний царь никому дани не платит; живут тут идолопоклонники, и язык у них свой, особенный...» (гл. CLXXXV) и мн. т.п. Эти выдержки можно было бы продолжить, но и взятые убедительно представляют структуру Маркова страно-описания в его энциклопедии. Государь и язык — особенная, частная характеристика земли и народа; суверенность или вассальная зависимость господина и вера его народа указывают место частного в целом антропосферы. Нередко последняя характеристика противоречит нынешним представлениям об этнической определенности описания: вероисповедная наднациональная принадлежность заменяет этноним. Это можно было заметить уже по цитате из гл. LX, где описывается область Гингинталас: «Живут здесь три народа: идолопоклонники, мусульмане и христиане-несториане». Вот еще очень яркий пример: «Мосул большое царство, живут тут многие народы, и вот какие: есть здесь арабы-мусульмане, и еще другой народ, исповедует христианскую веру, но не так, как повелевает римская церковь, а во многом отступает. Называют этих людей несторианами и якобитами. Есть у них патриарх; зовут они его жатоликом. Патриарх этот назначает архиепископов, епископов, аббатов и других прелатов. Он же рассылает их во все страны Индии, Катая, в Бодак, совершенно так же, как это делает римский апостол. Все христиане здешних мест, о которых я вам говорил, — несториане и якобиты» (XXIV). Тут уже несомненно именованное христианского толка оказывается этнонимом.

Этническое единство народонаселения обозреваемых областей мало занимает повествователя, и этнонимы относительно редки; редки сравнительно с обязательностью вероисповедной характеристики всякого народа. Однако это не значит, что Марко и Рустичано вовсе не используют этот критерий в своих описаниях, — просто конфессиональное самоопределение народа и тем самым конфессиональное разделение мира повсеместно заботит их больше, нежели нейтральная, естественнонаучная карта «Народы Евразии». Поэтому так часто и последовательно «Миллион» указывает несовпадения вер государя и его подданных или религиозную пестроту населения многих стран. Более того, по вере раскалываются кровноединые народы на части, по-разному оцениваемые рассказчиком: «В здешних горах живут карды, они — христиане-несториане и якобиты; но есть между ними и сарацины, Мухаммеду молятся. То люди храбрые и злые, ограбить купца они не задумаются» (гл. XXIV). «Есть здесь народ, называется аргон... происходит он от двух родов, от рода аргон-тендук и от тех тендуков, что Мухаммеду молятся» (гл. LXXIV). Видимо, и языковая характеристика народа должна служить дополнительным, уточняющим признаком к характеристике вероисповедной; так, во всяком случае, в гл. LVIII: «...тут город великого хана Сасион. Страна зовется Тангутом; народ молится идолам, есть и христиане-несториане, и сарацины. У идолопоклонников свой собственный язык».

Для Марко, и для Рустичано, и для их читателя принадлежность к некоторому вероисповеданию — не безразличный этнографический признак, поскольку из всех вер лишь одна — католическая — истинная, остальные — ложны и вредоносны. По вере своей качества своими обрывает человек: вера формирует человека; отношение населения к Поло, Поло к встречным людям зависит от их религиозных взаимоотношений. И «Книга» запечатлела результаты этих столкновений, результаты религиозных притяжений и отталкиваний.

Мусульмане, постоянно напоминает рассказчик, среди всех народов — особый. «А здешний народ делами мало занимается, и много тут всяких людей; есть и армяне, и несториане, и якобиты, грузины и персияне, и есть также такие, что Мухаммеду молятся, а те, что в городе живут, тауризами прозываются. Кругом города прекрасные сады, и много там разных вкусных плодов. Сарацины из Ториса народ нехороший, злой» (гл. XXVI).

Все насельники страны не удостоились лестного слова от трудолюбца Марко, но агаряне помянуты особым осуждением, которое только подчеркнуто похвалой плодородности земли. Народ худой и злобный, мусульмане — разбойники на торговых

путях: «В этих землях (речь идет о всей Персии. — Н. К.) злых людей и разбойников много; убийства случаются ежедневно... купцов без оружия, без луков они убивают или грабят без жалости. Все они, скажу вам по правде, закона Мухаммедова, их пророка» (гл. XXXIII). Что предосудительнее в глазах купца-венецианца может быть придорожного грабежа, затрудняющего торговлю?! Мусульмане — и пьяницы, и бездельники: «Народ молится Мухаммеду, — злые разбойники. Засиживаются по кабакам и пьют охотно; вино у них вареное и очень хорошее» (гл. XLVI). В другой области (гл. LI) Марко отмечает за ними скаредность (там же живут и христиане, но о них речь отдельно, после мусульман, как бы не распространяя на них уничижительную характеристику): «Каскар в старое время — был царством, а теперь подвластен великому хану. Народ здешний мусульмане. Городов, городков тут много. Каскар — самый большой и самый знатный... Народ тут торговый и ремесленный; прекрасные у них сады, виноградники и славные земли. Хлопку тут родится изрядно. Много купцов идут отсюда торговать по всему свету. Народ здешний плохой, скупой; едят и пьют скверно. Живут тут несториане...». Снова слова о благодати земель — контрастом к впечатлению от ее владельцев. Даже сила мусульманского владыки создается злым обманом обмороченных лжепророком-Мухаммедом людей (см. рассказ о «горном старце и его ассасинах» — гл. XLI–XLIII); естественно, зло не в силах доставить владыкам надежной мощи: «Началась тут битва жестокая и злая, и вышло так, что сарацинские цари, а было их трое, не смогли противостоять великой силе царя Абасии; было у него (у мусульманского царя-предводителя. — Н. К.) много храбрых воинов, да христиане храбрее сарацинов» (гл. CXCIII).

Порокам мусульман, которые замечает Марко по иным местностям, их осуждению именно как мусульман, можно подумать, противостоят положительные качества, присущие им в других землях (часто тут Марко отмечает такое, что противоречит грехам или слабостям там: «Народ мусульмане говорит своим языком, в битвах храбр» — гл. L и т.п.⁹); казалось бы, сводя вместе эти противоречащие характеристики, можно было бы заключить, будто Марко лепит нейтральный образ мусульманства, которое в каждом городе и каждой области предстает внешней приметой народа, «доброго» или «злого» по причинам внутренним и не связанным с его верою. Такого рода вывод

9 Ср. педалирование гуманистической ноты у Бартольда: «Влияние мусульман проявляется во многих местах книги Марко Поло... Несмотря на частные нападки на "сарацин", т.е. мусульман, Марко Поло упоминает о своем приятеле Зульфикаре, "очень умном турке"» (Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. Л., 1925. С. 74).

невозможен, потому что в «Миллионе» сказывается общее, всемирное представление об исламе, привитое Марко еще дома, сызмалу воспитанное в нем, но проверенное многолетним опытом¹⁰. Если скупость и склонность к праздности следует отнести к общечеловеческим слабостям, то лживость горного старца и приверженность исламитов к разбою (и то, и другое в отвлечении от действующего, от persona, равным образом свойственно всему роду человеческого) в своей конкретной, описанной форме Марко изводит из мусульманства. Вера сарацин противопоставляет их всему человечеству: «По закону, что дал им Мухаммед, должны они творить всякое зло тем, кто не их закона, вредить во всем, и в этом для них нет греха; если бы не власти их, много зла наделали бы они; и все другие сарадины повсюду злодействуют точно так же» (гл. XXX).

Наклонность к греху, присущая людской природе, возвращается исламом; извинительное у других народов — у сарацин оказывается родовым свойством. Развернутое до теологического обоснования, это осуждение передано Рамузио. «По мухаммедову закону все, что ворует и грабится у людей не их веры, — хорошо и за грех не почитается... а потому, если бы не сдерживали их и не воспрещали им те, кто ими управляет, много зла наделали бы эти люди. А вот этот закон исполняют все сарадины: когда кто при смерти, приходит к нему священник и спрашивает его, верит ли он, что Мухаммед истинный посланник господя; если умирающий ответит, что верит, то спасется; оттого, что спасение так легко и свершать всякие злодеяния дозволяется, обратили очень многих татар в свою веру, по которой ни один грех не воспрещен»¹¹. Вера, соблазняющая «малых сих» безответственностью и безнаказанностью поведения, — несомненная прелесть и искушение¹². Можно представить себе, что причину исламской пагубы Марко видел в Мухаммеде (недаром вера в истинность его посланничества спасает сарацин), злостной ложью скрывшем истину: «горный старец»-шарлатан поработывает своих ассасинов, материализуя смехотворные и кощунственные мухаммедовы пророчества («Сад этот, толковал старец своим людям, есть рай. Развел он его таким точно, как Мухам-

мед описывал сарадинам рай: кто в рай попадает, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меду и воды. Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарадинам; и тамошние сарадины верили, что этот сад — рай» — гл. XXI; ср. также и механизм совращения, описанный в следующей главе).

Сарадины оказываются всеобщими ненавистниками, так как, очевидно, нарушают мировой закон не по неведению (как идолопоклонники), но в злостном бунте против истины. И, естественно, их главными противниками стоят христиане всех толков, но в первую голову, предполагается (и в этом — пружина «Книги»), католики, хранители неповрежденной истины. Злоба мусульман к христианам — беспредельна и постоянна: «Нужно знать, что в 1275 г. по Р. Х. в Бодаке был калиф и ненавидел он сильно христиан; днем и ночью раздумывал, как бы обратить всех христиан своей страны в сарадинов, а не то перебить их всех. Каждый день совещался он об этом со своими муллами и кази; все они ненавидели христиан; по правде сказать, так все в мире сарадины ненавидят христиан» (гл. XXVII); «...а в этом царстве христиан, знайте, ненавидят, не желают их пускать сюда и почитают за смертельных врагов» (гл. CXIII). Вражда двух народов — воспользуемся выражением «Миллиона» — не может решиться компромиссно, как не могли откупиться христиане Самарканда от мусульман, требовавших «свой камень» (гл. LI). Борьба может кончиться только полным торжеством одного закона: багдадский халиф (гл. XXVII), устроив, казалось бы, безвыходную ловушку (и важно, что весь план построен на уверенности халифа в несостоятельности обетований христианства), «очень обрадовался: через это, говорил он, все христиане или в сарадинов обратятся, или все будут перебиты». Самаркандские агаряне (гл. LI)¹³ отнимают у христиан камень, «что подпирает крышу посреди церкви», так что, «если камень вынуть, так и церковь разрушится». Ислам, внутренне раздробленный, во вражде к христианам обретает единство: «...когда вавилонский судан пошел на Акру (т.е. против крестоносцев. — Н. К.), взял ее и христиан разорил, этот самый судан

10 Очевидно, опыт общения с чуждыми народами недостаточен для преодоления «предрассудков», избываемых только иным опытом, создающим новые предпосылки для оценки и систематизации внешних впечатлений. Я имею в виду ближайшим образом перемены в целом представлении о своей культуре по ее связи с иной. Потому и невозможно говорить, будто само по себе расширение географического или этнографического кругозора определяет качественное движение европейской, например, культуры.

11 Книга Марко Поло ... М., 1955. С. 257.

12 Ср. и в гл. LXXXV: «Стал великий хан размышлять об этой проклятой секте сарацин, считавшей позволительным всякий грех» и даже убийство человека не их закона, — оттого-то и Ахмад с сынами не почитал содеянного им за грех, — возненавидел сарацин великий хан».

13 «Книга» вообще не чуждается, как известно, чудес, но глава о камне по символической насыщенности в ней исключительна. Мало того, что (тут я должен предвосхитить темы статьи, еще не затронутые) в ней христиане выступают — в столкновении с происками мусульман — христианами вообще, без уточняющего определения церкви: несториане, яхобиты и т.п., что судьбы противостояния двух вер зависят от вероисповедного самоопределения монголов, что мусульмане побеждены чудом; сюжет главы определяет предметы символические по преимуществу: камень, на котором утверждён центральный столп храма. Добавьте еще к этому, что христиане (не католики, по внетекстовой осведомленности читателя) торжествуют чудом, «по воле господя нашего Иисуса Христа» — из этого следует (вывод чрезвычайный для верующего), что за некаатолической церковью признается благодатная сила.

аденский посылал в помощь вавилонскому из своих воинов тридцать тысяч конных да добрых сорок тысяч верблюдов; и была то сарацинам, большая подмога, а христианам большой от того вред; и сделал это судан аденский по злобе на христиан, а не из желания добра судану вавилонскому и не из любви к нему» (гл. CXCV)¹⁴.

Что христианское дело — правое в этой борьбе, засвидетельствовано истинностью их учения и чудесами, явленными в самое недавнее время. К чудесам о двинувшейся по вере горе (гл. XXVII) и столпе, держащем кровлю храма, не касаясь земли (гл. LII), можно добавить посрамление сарацин в гадании исхода схватки Чингисхана с пресвитером Иоанном (гл. LXVII). Очень тонко проведена эта тема в гл. CLXXVI, что описывает «место, где покоятся мощи св. Фомы, апостола». Сперва сообщается, что «место глухое, но много и христиан, и сарацин паломничает сюда. Здешние сарадины, скажу вам, в св. Фому верят крепко; рассказывают, что он был сарацином, великим пророком; называют его анаиран; это значит святой человек». Но в свидетельстве чудес апостола речь идет об одних христианах (и NB: опять не католиках): «христианские паломники берут землю в том самом месте, где святой опочил», и ею исцеляются от всякой лихорадки; «чудеса тут творятся ежегодно; и всякий, кто услышит о них, признает их великими; калек и расслабленные христиане исцеляются тут».

¹⁴ Тем знаменательнее сообщение Поло о совокупном выступлении мусульман, что, по свидетельству В. В. Бартольда, «об участии в этом событии (во взятии) Акры йеменских войск историки не говорят» (Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. С. 336). Пусть это будет домыслом или ошибкой рассказчика — тем ярче сказывается логика и направленность «Книги».

О сарацинах после замечания об их вере в апостола, как видно, ни слова. Вероятно, по несправедливости их вере благодать их не касается.

Однако непосредственное участие мира горного в битве двух исповеданий не может не предполагать людской активности и предприимчивости. Христиане Востока, затерянные и затертые в море ислама и язычества, в постоянной войне с притеснителями-агарянами, даже не распространяют на своих врагов законов человеческой морали и общежития: «Приходит сюда (на остров Скатра, гл. CXС. — Н. К.) много разбойников на своих судах; после набегов стоят они тут и распродают награбленное; и бойко, скажу вам, торгуют: здешние христиане покупают товары, потому что знают, товары награблены у язычников да у сарацин, а не у христиан».

Цели непрестанной войны суть цели крестового воинства: «Так-то царь зло отомстил собакам-сарацинам за епископа; и не счесть, сколько их (сарацин. — Н. К.) побито и померло; много стран было разорено, да и не удивительно: не должны собаки-сарацины брать верх над христианами» (гл. CXСII). Поэтому союз Запада и Востока представляется людям эпохи делом возможным и желательнейшим, речь идет о совместном противостоянии общему врагу.

Отчетливее эта тема европейской культуры прослеживается, правда, не в «Миллионе», а по отчетам дипломатов и повестям пилигримов и миссионеров (Рубрика и Карпини, игумена Даниила и Лионардо Фрескобальди со спутниками¹⁵ и др.); именно там мы находим свидетельства о гостеприимстве восточных христиан к единоверцам, об их вражде и согласии, о своеобразных христианских колониях в Орде и Ханбалыке, о странствовании в мусульманском и языческом пространстве по христианским «каналам», когда европеец, следуя своим маршрутом, в то же время передвигается от одного христианского дома (или центра, общины и т. д.) к другому. Но и «Книга» дает нам ряд эпизодов столь значительных в этой связи, которые не оставляют сомнения в том, что эта модель определяет содержание записок Поло-Рустичано.

Путешествие Поло начинается в землях издревле христианских, где можно найти понимание и поддержку: о них заботился сам «армянский царь, снарядивший для братьев галеру и с почетом отославший их к легату» (гл. XII). Чем дальше на восток, в глубь мусульманских земель, тем опаснее дорога для христиан, купцов и даже послов, особенно если они в сутанах; вспомним, как спутники

¹⁵ Путешествие во Святую Землю Лионардо Никколо ди Фрескобальди; Путешествие на гору Синайскую; Путешествие ко Святым местам Джорджо Гуччи / Пер. и примеч. Н. В. Котрелева // Восток — Запад: Исследования; Переводы; Публикации. М.: Наука, 1982. С. 17–112.

Поло случаем оказались официальными представителями апостольского престола: «только что пришли (монахи-послы в Лаяс. — Н. К.), как султан вавилонский Бандокдер с великими полчищами напал на Армению; много зла наделал он стране, да и посланцам грозила смерть; увидели это монахи (речь-то идет о нищенствующих братьях, из которых вышли бестрепетно-прямолинейный Асцелин и вызывавший восхищение у монголов нестигаемый Рубрук. — Н. К.) и побоялись итти вперед; решили они дальше не итти, отдали Николаю с Матвеем верительные грамоты, письма, попрощались и пошли назад к главе ордена» (гл. XIII).

Многое в начале «Книги», когда путь пролегает по местам, дорогим христианину, напоминает паломничества: Марко рассказывает о городе Сава, «откуда три волхва вышли на поклонение Иисусу Христу» (гл. XXXI), об их гробницах, о том, что ему удалось — настойчивыми расспросами — узнать о них; о христианских святынях и чудесах (гл. XXIII и XXVII–XXX). Дальше христианство распространено было мало, но в каждом почти городе, государстве Поло находит хоть не католиков, но христиан и неукоснительно вносит о них упоминания (а если можно — и распространенные сведения) в свои записки.

Встреча с единоверцами — событие столь существенное, что непременно отражается «Книгой»: это проникновение христиан до самых границ изведенного Марко пространства — одно из наибольших чудес мира. Поэтому так разительны диспропорции в описании иных местностей: «Знайте, по истинной правде, в этом городе сто шестьдесят туманов огнищ, значит, сто шестьдесят туманов домов; туман равняется десяти тысячам, всех домов, значит, миллион шестьсот тысяч; много тут богатых дворцов. Есть здесь христианская церковь несториан» (гл. CLII). Нарочитые выкладки с мириадами кинсайских домов не служат ли контрастным фоном, на котором ярче светится у пределов ойкумены крест несторианского храма?! Поло, и в монгольских пределах окруженные братьями («были у братьев в услугах немец да христианин-несторианин — хорошие мастера» — гл. CXLVI), не просто отмечают, где их дорога свела с христианами; они настойчиво разыскивают христиан, таящихся от язычников в Китае. И не только находят их, но и выступают их защитниками, устроителями покровительствующего статута для 700 000 «семейств, следовавших этому закону», хотя закон — едва рудимент христианской проповеди, по «Книге».

Напряженный интерес к восточным собратьям, симпатия к ним не позволяют Марко и закрывать глаза при виде их слабостей и пороков, как вражда к сарацинам не позволяла ему при случае отмечать

их трудолюбие, мудрость или гостеприимство. Так, Марко осуждает приверженность жителей Скатры (гл. CXС) к волшбам и невероятную ловкость в них (и тут — знаменательно — он сходится во мнении с местным архиепископом); так, с сожалением вспоминает Поло о Малой Армении (гл. XX), беззащитно-открытой мусульманским полчищам: «В старину здешние дворяне были храбры и воинственны; теперь они слабы и ничтожны и только пьянствуют». Но эти сетования и осуждения относятся не к церковной жизни восточных христиан, а лишь к их человеческим качествам. Как христиане, они остаются потенциальными (и действительными — см. гл. CXСIII, например, о походе эфиопского царя на сарацин) союзниками западных христиан, страждущими братьями в языческих и мусульманских странах (вынуждены таиться христиане в Китае; абиссинский царь отправляет вместо себя на поклонение в Иерусалим епископа, так как прозорливо наставляют его советники, что «опасно итти туда» сквозь земли неверных, и т.п.).

И с удовольствием и похвалой сообщает «Книга» об успехах христианизации язычников, о распространении и укреплении несторианства в Азии; так, в гл. CXLIX, где «описывается город Чингианфу», Рустичано занес для сведения европейцев: «В 1278 г. по Р. Х. случилось вот что: не было тут ни христианских монастырей, ни верующих в христианского Бога до 1278 г.; начальствовал тут три года, по приказу великого хана, Мар-Саркис, был он несторианцем и приказал выстроить две церкви; с тех пор они существуют, а прежде не было тут ни церквей, ни христиан».

О роли несторианства в истории возвышения монголов и распада их империи, о попытках союза христианской Европы с монголами против мусульман хорошо известно из трудов историков. Достаточно лишь показать кратко, как стратегия мирового религиозного конфликта запечатлелась в «Миллионе». Степняки, покорив полмира, множество народов, религиозно разделенных, в общем, на три группы (и Марко, как было видно, принял это трехчленное деление), из которых две (мусульманство и христианство) стояли насмерть друг против друга, — вынуждены были выбирать между верами, так как только этим путем могли обеспечить внутреннюю устойчивость в отдельных областях, на которые распалась империя. Возможность союза с Западом вкупе с религиозным к нему интересом и сделали братьев Поло и Марко посланцами великого хана в Европу, а после потребность союза с Востоком — папского престола к хану (гл. VI–XV, где сведения о дипломатической деятельности братьев переплетены с рассказами о том, что маслу «из Христовой лампы» в Иерусалиме «обрадовался великий хан; святое масло

ценил он дорого», и тому подобными свидетельствами внимания и даже приверженности хана к христианству; столь же живой отклик известия о монголах вызывают в папском легате (а позже — римском первосвященнике), так как «думалось ему, что много добра и чести может быть от того христианству» — гл. X).

Марко с большой приязнью описывает начальное состояние монголов в ту пору, когда они только собрались вокруг Чингиса (например, гл. LXV, LXX), вспоминает об уважительности их к чужим верованиям (гл. CXXV). И хотя природное язычество монголов он в другом месте (гл. CCXVI) называет «законом диким», Марко сетует о его упадке: «Такая вот жизнь и такие обычаи, как я вам рассказывал, у настоящих татар; ныне, скажу вам, сильно они испортились; в Катае живут как идолопоклонники, по их обычаям, а свой закон оставили, а левантские татары придерживаются сарацинских обычаев» (гл. LXX). Природный закон татар, сохраняемый в чистоте, удерживает их в животном облике: «На севере, знаете, есть царь Канчи. Он татарин, и все его подданные татары; держатся они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его так же точно, как соблюдал его Чингис-хан и другие истые татары; делают они своего бога из войлока и называют его Начигаи; делают ему и жену, называют двух богов Начигаем и его женой; говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты. Живут они, как звери» (гл. CCXVI). Все достоинства «истых татар» — честность, отвага, неприхотливость, веротерпимость и т.д. — достоинства «естественного человека», и выход племени на арену истории, очевидно, подразумевает, по Марко, определение своего отношения к мировым религиям через избрание одной из них. Поэтому и печалится он, что в Катае и Леванте приняли монголы нехристианскую веру. Зато рад сообщить Марко соотечественникам о всяком знаке доброжелательности монголов к христианам, как это видно хотя бы из его слов о том, что Чингисхан «уважал их завсегда и почитал за людей нежных, правдивых» (гл. LXVII).

С не меньшим удовольствием передает он и факты, позволяющие надеяться на обращение монголов против сарацин; например, так воспроизводит он слова Аргона к своим воинам перед битвой с Акоматом: «И знаете еще, воистину, он не нашего закона; отступился от него, стал сарацином и Мухаммеду молится. Сами вы понимаете, достойно ли, чтобы сарацин властвовал над татарами» (гл. CCIV). Религиозный выбор монголов ко времени Марко и Рустичано еще не выяснился, побеждал то один полюс, то другой. Повсеместно

за стрелкой напряженно следили общины христиан и мусульман, так как с каждой переменной в настроениях власти тех или других ждал триумф, — если не утеснения, в лучшем случае. Ведь легенда о чуде с камнем, приуроченная к самаркандским событиям, откуда бы ни почерпнул ее рассказчик, символически и точно отражает превратности противостояния двух вер: «Нужно знать, что еще не так давно кровный брат великого хана Жагатай обратился в христианство... Христиане в Самарканде тому, что царь их стал христианином, очень радовались и выстроили большую церковь во имя Иоанна Крестителя... Взяли они у сарацин их прекрасный камень, да и положили его под столб, что подпирает крышу посреди церкви. Случилось, что Жагатай помер, и узнали о том сарацины; уже и прежде они злились, что их камень у христиан в церкви, и сговорились силою отнять его» (гл. LII).

«Миллион» — не агитационное произведение, поставленное на службу надобностям священной войны, как проповеди крестовых походов Бернара Клервосского или Петра Отшельника, как стратегические разработки Гийома Адама. Нет, «Миллион» только отразил эту проблематику эпохи, но не как что-то внеположное авторскому сознанию и долженствующее только быть изображенным, зарисованным¹⁶. Марко и Рустичано усвоили, сделали своей общую точку зрения эпохи на Восток. Эта точка зрения предопределила всю структуру «Книги», ее сюжет, отбор материала, его оценку. «Книга» была энциклопедическим собранием «чудес мира», но чудеса эти описывались не ради описания, а в видах реального исторического «действия», в целях исполнения исторических задач европейского христианства, как их понял венецианец тринадцатого века. Ради этого он, в конечном счете, пробыл столько лет в чужих краях.

И этим «сверхзадачам» книги не противны были ни торговые интересы венецианцев, ни потребности страноведческого описания, ни что-то другое. В сознании и авторов «Книги», и ее читателей не было разрыва между задачами личности и целой культуры, ее породившей.

¹⁶ Не следует, однако, забывать, что текст, изданный Потье, восходит к тому, что был отредактирован самим Марко для посланца Карла Валуа, претендента на константинопольский трон, в момент подготовки военной экспедиции на Восток.